

Посвящается Мишель Касс

УМЕЙ МЫ ПО-НАСТОЯЩЕМУ ВИДЕТЬ
и чувствовать обычную человеческую
жизнь, это было бы как слышать рост
травы и биение беличьего сердечка.
Шум и рев, лежащие по ту сторону
безмолвия, свели бы нас в могилу.

Джордж Элиот «Миддлмарч»

ЧАСТЬ I

ПРОРЕХА В ШУМЕ

ПЕРВОЕ, ШТО ПОНИМАЕШЬ, узнав, што твоя собака умеет говорить, — это што сказать ей, в общем-то, нечего. Ни на какую тему.

- Тодд, хочю какать.
- Заткнись, Мэнчи.
- Какать. Какать, Тодд.
- Я кому сказал, *заткнись*.

Мы бредем по невозделанным полям к юго-востоку от города — по тем, што полого катятся вниз, к реке, и дальше — к болоту. Бен сказал, штобы я набрал ему болотных яблок, и заставил взять Мэнчи с собой, хоть всем известно, што Киллиан купил его, только штобы потрафить мэру Прентиссу, и вот те нате, совершенно новая собака, в подарок мне на день рожденья о прошлом годе, хотя я ни в жизнь никому не говорил, што хочю какую-то там собаку, а говорил как раз, штобы Киллиан наконец починил делебайк и мне не надо было таскаться во все богом забытые места этого идиотского города на своих двоих, но нет, Тодд, с днем рожденья, Тодд, на тебе щеночка, совершенно нового, и хотя он тебе нахрен не сдался и ты его вовсе не хотел и не просил, угадай, кто теперь будет кормить его, и дрессировать, и купать, и гулять, а теперь еще и слушать его бред, когда он достаточно подрос, штобы чертов болтливый микроб шевелил его челюстями? Ага, угадай! И смотри не ошибись.

- Кака, — тихо бурчит Мэнчи себе под нос. — Кака, кака, кака.
- Иди уже, покакай и прекрати про это трепаться!

Я сорвал длинную травяную метелку с обочины и сделал вид, што сейчас его вытяну по спине. Я его не достал, даже не соби-рался, но он захохотал этим своим лающим смешком и припустил дальше по тропинке. Я потопал следом, хлеща хлестуном направо и налево, шурясь на солнце и стараясь ни о чем вообще не думать.

Никаких болотных яблок нам на самом деле не нать. Если Бену их так уж охота, он может купить сколько угодно в лав-ке мистера Фелпса. Да и немужское это дело шляться на боло-та за яблоками, потомуш мужчинам бездельничать не полагает-ся. Хотя *официально* мне еще тридцать дней до мужчины. Я уже прожил на этом свете двенадцать лет, по тринадцать долгих ме-сяцев каждое, и еще к ним двенадцать месяцев вдобавок, и все это житие означает, што до большого дня мне еще один цель-ный месяц. Планы уже планируют и приготовления готовят, надо думать, будет большая вечеринка, хоть у меня о ней уже какие-то странные фантазии в голове роятся, сплошь и мрачные, и радужные разом, но как бы там ни было, а я буду мужчиной, и ходить за яблоками на болота — решительно не дело для муж-чины... или даже почти-мужчины.

Зато Бен знает, што может попросить меня сходить, и я как миленький пойду, потомуш болото — единственное место в окрестностях Прентисстауна, где ты можешь типа хоть напо-ловину отдохнуть от всего этого Шума, што мужики изрыгают, от нескончаемого грома и гама, который не смолкает, даже когда они спят — мужики и их мысли, которые они думают, сами того не зная, — даже когда всякому слышно. Мужчины и Шум. Ума не приложу, как они вообще друг друга выносят.

Шумные твари эти мужчины.

— Белка! — заорал внезапно Мэнчи и ломанулся прочь.

Соскочил с тропы, хоть я на него обкричись, и пришлось тоже, следом (оглянувшись, нет ли кого поблизости), через эти *чертовы* поля, потомуш с Киллианом припадок случится, если Мэнчи провалится в какую-нить змеиную нору, и конечно, это будет моя *чертова* вина, хотя я ни в жизнь не хотел эту *чертову* собаку, если уж на то, *черт его раздери совсем*, пошло.

— Мэнчи! А ну ко мне!

— Белка!!!

Пришлось продирааться через траву, на ботинки налипла рянь. Одну я пинком сбросил, но она лопнула и оставила зеленое пятно, которые потом нипочем не сходят.

— Мэнчи! — вызверился я.

— Белка-белка-белка!

Псина заливалась на дерево, а по стволу вверх и вниз, дразня его, сновала белка.

ДАВАЙ, ВЕРТУН, говорил ее Шум. **ДАВАЙ-ПОЙМАЙ, ДАВАЙ-ПОЙМАЙ. ВЕРТУН, ВЕРТУН, ВЕРТУН.**

— Белка, Тодд, белка!

Какие же все-таки звери тупые.

Я сгреб Мэнчи за шкирман и хорошенько приложил по заднице.

— Ой, Тодд? Ой?

Я еще разок врезал ему.

— Ой? Тодд?

— К ноге! — прорычал я.

Мой собственный Шум бесновался так громко, што я едва слышал собственные мысли, — о чем вскорости пожалею, помните мое слово.

ВЕРТУН-МАЛЕЦ, ВЕРТУН-МАЛЕЦ, думала уже в мой адрес белка. **ДАВАЙ-ПОЙМАЙ, ВЕРТУН-МАЛЕЦ.**

— И ты тоже ешь отсюда, — сказал я ей, хотя «ешь», конечно, не сказал.

Я сказал то, вместо чего тут написано «ешь».

Вот што мне стоило посмотреть по сторонам, а?

Потому што за спиной у меня вырос Аарон, вот прямо там встал, откуда ни возьмись, из поля, да и врезал мне поперек физиономии, губу раскровянил своим перстнем, сначала туда, а потом с той стороны обратно, уже кулаком, по скуле, да и то спасибо, што в нос не попал, потомуш я уже падал в траву, уворачиваясь от удара, а Мэнчи я, естественно, выпустил, и тот опять кинулся за своей белкой, чуть башку себе к черту не отбрехал, предатель, а я тем временем рухнул коленками и ладонями оземь и замарался рянью... словом, весь.

Там я и остался, внизу, тяжело дыша, а Аарон возвышался надо мной, а его Шум бомбардировал меня кусками Писания и его следующей проповеди, и...

СЛЕДИ ЗА ЯЗЫКОМ МОЛОДОЙ ТОДД И ИЗБРАЛ СЕБЕ ЖЕРТВУ И СВЯТОЙ СЛЕДИТ ПУТЬ СВОЙ И СЛЫШИТ ГОСПОДЬ и еще вал картинок, какие у всякого в Шуме есть, и мельком...

Чего?.. какого богооставленного?!

Но тут выстреливает еще один громогласный кусок проповеди и затмевает все, а я гляжу вверх, Аарону в глаза, — и нет, я не хочу этого знать. Во рту вкус крови от ссаженной губы, и я не хочу, не хочу знать. Он никогда не открывался, мужчины здесь не открываются, на то у них причины есть, у мужчин, и только мы с псом... но вот он тут, стоит, а я не хочу не хочу не хочу ничего знать.

Он улыбается мне через эту свою бородищу. Сверху вниз улыбается, мне, упавшему в траву.

Эдакий улыбчивый кулак.

— Следи за языком, молодой Тодд, — говорит. — Ибо язык наш держит нас, аки пленников, на цепи. Неужто церковь тебя ничему не научила, а, мальчик? — и, конечно, самое его любимое изречение. — Ежели один из нас падёт, все падём.

Да, Аарон, думаю я.

— Словами через рот, мальчик.

— Да, Аарон.

— Еси да суси? Скверные слова, бранные. Не думай, что я не слышал. Шум тебя выдал, мальчик. Шум всех выдает.

Не всех, подумал я, но вслух поспешно произнес:

— Прости, Аарон.

Он наклонился ко мне — рот его совсем близко, я чую исходящее оттуда дыхание, чую его тяжесть, словно пальцы тянутся взять, схватить...

— Ибо слышит Господь, — прошептал он. — О да. *Слышит.*

Тут он снова замахнулся. Я дернул головой в сторону, а он захохотал и был таков, в город обратно, и Шум свой с собой унес.

Меня так всего и трясло; кровь кипела от оплеухи, и от проповеди, и от неожиданности, и от злости, и потому што я город этот ненавижу и мужчин в нем, так што времени прошло изрядно, пока я собрался с силами встать и пойти за псиной. *Што он вообще тут делал, есь его так?* — думал я, и так меня колотило со злости, с ненависти и со страху (да, со страху, заткнись уже), што я даже кругом не глядел на тот случай, вдруг Аарон еще здесь и слышит мой Шум. Не глядел. Не оглядывался.

А потом все-таки оглянулся и пошел за собакой.

— Аарон, Тодд? Аарон?

— Хватит уже говорить это имя, Мэнчи.

— Кровь, Тодд. Тодд? Тодд? Кровь?

— Знаю. Захлопни пасть.

— Вертун, — добавил он, словно слово ничего ровным счетом не значило.

В голове у него было пусто, как в небе.

Я шлепнул его.

— И с этим тоже заткнись.

— Ой? Тодд?

Мы тронулись дальше, держась подальше от реки, што слева. Река бежала через несколько оврагов к востоку от города, потом заворачивала на север, мимо нашей фермы и огибала его по боку, потом топко разливалась по пустошам и в конце концов уходила в болото. Реки надобноть избегать, и особенно этой маревой ее части, до болотных деревьев, потомуш там кроки живут, достаточно крупные, штобы порешить и почти-мужа, и псину его. Плавники у них на спине торчат, как камыш, в ряд; пойдешь к ним поближе, и — ВВВУХХ! — как выскочит такой из воды, как кинется прямо на тебя: когти наголо, пасть щелкает, и все, каюк тебе.

Мы обошли топь; впереди тихо раскинулись настоящие болота. Смотреть там больше не на што, вот мужчины туда и не ходят. Ну, и запах, конечно. Нет, я не хочу сказать, што там ничем не воняет, но воняет и вполовину не так скверно, как они себе думают. Память они свою нюхают, это как пить дать: не то што взаправду там, а как оно было раньше. Всю эту мертвечи-